

Глава 2

В институте с утра обсуждали новости. Какие-то проблемы с лицензией, аттестацией, аккредитацией... чёрт их поймёт. Короче, неприятности. В ректорате все бегали, как ошпаренные, лекции отменили. К обеду вывесили приказ, что все сотрудники, кроме секретариата и хозяйственников, отправляются в отпуск на два месяца с сохранением зарплаты.

— А потом? — высказалась тревожащую всех мысль молоденькая практиканта в курилке женского туалета.

— Как карта ляжет, — философски отозвалась Герасимова — декан факультета курортологии.

— Во всяком случае, девочки, надо готовить отходные варианты.

— Интересно, а что будет с ребятами? — спросил кто-то. — Допустим, для старших можно придумать нагрузку, но как быть с первокурсниками? Они и поучиться не успели толком.

— Чепуха, — ответила всё та же Герасимова, — распределят по мелким фирмам, позже зачтут, как практику.

— Но это нарушение правил, и что они там будут делать?

— Что угодно: разносчиками, курьерами, учениками продавцов, статистами... какая разница? Татьяна уселась в свою малолитражку в смешанных чувствах. С одной стороны вынужденный отпуск не мог не радовать, но с другой — неопределенность тревожила и угнетала. Во всяком случае деньги у ней есть, продержаться без существенного снижения качества жизни она могла долго.

Зазвонил телефон, она взглянула на входящий номер и сбросила вызов — это был Кирилл. Раздался повторный звонок. «Упрямый». Посомневавшись лишь секунду, она внесла абонента в чёрный список. Общаться не хотелось, да и не о чём. С её стороны интерес к любовнику ограничивался только сексом, никаких других общих интересов у них не выявилось. Да, она произносила слово «люблю», как все, он тоже говорил. С Киром было интересно какое-то время, но не более того.

Вырнувшись с территории, она взглядом выхватила «своих». Ребята галдели, обсуждая изменения в жизни учебного заведения. Долговязая фигура Струнова разместилась чуть в стороне от основной группы мальчишек и девчонок, он рыскал глазами по сторонам. Внезапно их взгляды пересеклись. Николай покраснел и быстро отвернулся. «Ого, уж не меня ли выглядывал, паршивец?» Если так, то можно поставить себе пятёрку с плюсом. Захотелось притормозить и заманить юнца в машину. Она ведь теперь «свободная» женщина. Но прилюдно делать этого нельзя. Татьяна вздохнула и стала думать, чем вознаградить себя за неприятности на работе. Имелось одно местечко, куда она давно не заглядывала.

Магазинчик «Интим» притаился в арке большого сталинского дома. Подъехав, Татьяна не спешила выходить из машины, не могла отказать себе в удовольствии понаблюдать за посетителями, среди которых встречались любопытные персонажи. Закурила и начала фантазировать в отношении входящих и выходящих покупателей.

Молодая пара интеллигентного вида, скорее всего муж и жена. Или невеста с женихом. Нервничают. Девушка краснеет и упирается, парень уговаривает её зайти внутрь, хотя и сам чувствует себя не в своей тарелке. С ними всё ясно: хотят купить свою первую игрушку —

резиновый пенис или вибратор. Подурачиться, заодно в утешение, когда живого рядом нет. Купят, краснея-бледнея, но купят.

«Этого гражданина уже видела!» Прячется в кустах, подкарауливает молоденьких девчонок, выскакивает и распахивает длинный плащ. Под плащом — ничего, кроме носков с ботинками. Дался им этот плащ... Униформа какая-то: видишь мужика в плаще, сразу мысль — эксгибиционист. У дядьки не стоит, Людка говорила, она здесь про всех знает. Жалкая тень возбуждения возникает, когда показывает себя. Сомнительное, конечно, удовольствие встретить его в подворотне. Девки визжат, а он исступлённо дрочит, используя секунды пока возвращается былая сила. Не опасен, отсутствует возможность причинить вред, насиовать и прочее. И труслив. Его лечить надо, но всё будет иначе. Полиция геройски задержит «опасного маньяка» под камеры телевизионщиков. Крыть нечем. Извращенец? — Извращенец. Выскакивал? — Выскакивал. Поработают с ним, и напишет повинную, что не только все московские убийства за последние двадцать лет, но и Немцова на почве ревности тоже он...

Ага, госпожа чиновница направляется к своему лимузину. Шествует с видом боярыни. Позади плетётся красный и потный охранник с пакетами. В пакетах покупки. У парня обалделый вид, чиновнице хоть бы хны. Или это жена чиновника? Во всяком случае в телевидении мелькает регулярно. Что там у небожительницы? Всё понятненько с вашими пристрастиями, мадам. Из пакета предательски торчит несколько длинных ручек, тщательно упакованных, но легко узнаваемых: стеки и плётки. Чьи ягодицы сегодня отведают этого блюда? Пышные — самой мадам, или поджарые — охранника? Бедный, бредёт обречённо, похоже, что ему достанется. Ничего, боров здоровый, взгреет его хозяйка в отместку за женщина, который сейчас с молоденькими где-нибудь на Мальдивах отрывается, а после и приласкает. Вот забавно, если он женат. Что они говорят своим бабам по поводу поротой задницы?

Татьяне припомнились студенческие годы. Жила тогда у двоюродной тётки, а та маниакально экономила электричество. Лампу разрешала включать только с семи до полдесятого вечера, затем спать, ни о каком телевизоре даже речи не было. Как ни канючила Танька, мол, и программы по телевизору, и концерты, и фильмы... родственница была непреклонна, на всё у неё имелся один ответ:

— Это у тебя промеж ног свербит. Потрёшь сикель под одеялом и угомонишься без всякого кино и концертов.

Так и шуровали в кроватях, тётка в своей комнате, Татьяна в своей. В полдесятого спать не хотелось совершенно. По два-три захода приходилось делать, прежде чем наступало успокоение и смаривал сон.

Незаметно подкралась зимняя сессия, катастрофически не хватало времени на подготовку. Татьяна рискнула нарушить запрет, дождалась пока тётка затихнет и, включив лампу, засела за учебники. Разумеется, тут же попалась. Экономная родственница стояла в дверях, скрестив руки.

— Ещё раз зажжёшь — выпорю!

Никакие увещевания не помогали. На истерику, что исключат из института, спокойно говорила — баба с возу, кобыле легче, и добавляла: «Кто не справляется с работой за день, завалит и за ночь».

После заваленного зачёта по химии положение стало угрожающим. Трясясь от страха,

Татьяна заложила тряпками все щели в двери, выждала добрых два часа. Зажгла. И опять неудачно. Проклятая баба её караулила! Выбор перед ней невелик, либо выметаться на улицу посреди ночи, либо принимать наказание.

— Не вздумай орать, весь дом перебудишь. И принеси ремень покойника из моей комнаты, — это она про мужа. Фраза произвела на Татьяну парализующее впечатление. Надо же..."ремень покойника... « Жутко. Зайдёшь в тёмную комнату, а там покойник на тёткиной кровати, и надо с него ремень снять... А он — хвать за руку!

Татьяна заплакала, но за ремнём пошла, понимая, что тётка послала специально, чтоб сильнее унизить. Взяла в руки вещь, которой её собирались стегать и вздрогнула. Посмотрела на сурое лицо в траурной рамке — дядьку она и не помнила, его убило током на заводе десятилетие назад. На удивление кожаный брючный ремешок был как новый. Татьяна ещё раз взглянула в глаза на фото и нехорошие мысли заворочались в голове. Не спроста тётка лелеет этот бич, ох, не спроста. И со светом нарочно затеяла, чтоб подвести её к наказанию. Но что делать-то? Понесла.

Экзекуция проводилась на кухне. При лампе в двести ватт. «На это электричества не жалко!» — подумала Татьяна.

— Рубаху совсем снимай, — скомандовала тётка. — И помни — ни звука!

На кафельном полу босым ногам было холодно, голое тело необычайно чутко реагировало на самое маленькое дуновение. Татьяна поёжилась и покрылась гусиной кожей, казалось, сквозняки тянули отовсюду.

— Сюда, на стол раскладывайся, чего застыла? Долго тебя ждать? Я спать хочу.

— Он холодный!

— Ничего, сейчас разогреешь, — нервно рыкнула тётка. По всему было видно, что она возбуждена. И вопреки своему утверждению, сна не было у неё ни в одном глазу. — Сиськами и животом на стол, руки вперёд, жопу выставить. Татьяна попробовала канючить, дескать, прости дорогая тётушка, больше не буду. Где там...

— Не тяни резину, на полпути останавливаться не будем. Ничего с тобой не сделается. Меня на этом столе покойничек, знаешь, как пользовал — только перья летели.

«Вот оно... « — поняла Татьяна. Пощады не будет. В тётке это давно сидит — установка. Ей отыграться надобно на ком-нибудь. Жертва нужна. Она вздохнула, и легла на ледяную столешницу, соски мигом отвердели и набухли.

Момент, когда зловредная тётка взмахнула ремнём, она пропустила, только — «вжик»! И ей показалось, что к заднице приложили раскалённый прут. Она подскочила, судорожно хватая воздух ртом, глаза вылезли из орбит и заслезились пуще прежнего. Сильная тёткина рука придавила её к столу, и последовал второй ожог, третий, четвёртый... Татьяна только шипела, и изо всех сил сжимала ягодицы. Она не ожидала, что будет так больно, воспринимала тёткину придусть, как унижение, но действительность повергла в шок. Отец порол её несколько раз в детстве, но делал это настолько гуманно, что в памяти Татьяны порка не ассоциировалась с болью, а когда пришли месячные телесные наказания вовсе были отменены. Кончая, зарычала тётка, вперившись глазами в лужицу, наделанную Танькой. — Прибери здесь за собой, — распорядилась родственница, выходя из кухни. — И свет не забудь!

Наутро Татьяна не показывала носа из кровати, пока тётка не ушла на работу. Когда за той хлопнула дверь, она вскочила и лихорадочно стала собирать чемодан с вещами. Оставаться

здесь дольше было нельзя. Она поняла, что попадёт в зависимость от тёtkиных пристрастий, сделается её подчинённой, рабой. У неё явная склонность к такого рода развлечениям. Иначе, как объяснить реакцию её организма? Даже сейчас, когда она приняла твёрдое решение бежать без оглядки, внутри что-то вздрагивало при воспоминании о ночном безобразии. Тихий голос издалека коварно нашёптывал: «Не спеши, подумай, попробуй в конце концов ещё разок... « Ну, уж нет, больше никаких проб. Хватит. Если пойти по этому пути, то не остановишься. Засосёт в эту клоаку без остатка, падение в пропасть может быть бесконечным. Она слышала разговоры про лесбиянок. Там далеко не всё так романтично, как представляют в книжках и на экранах.

Нет, бежать немедленно! «Уж если и играть с огнём, то, во всяком случае, не с престарелой и малосимпатичной родственницей, — заключила Татьяна сделку сама с собой. — Пусть тётушка поищет другую дурочку-провинциалку. Старая лиса хочет хорошо устроиться — задумала подловить девчонку, подавить, повесить всю грязную работу по дому, а в награду одаривать извращёнными оргиями сладострастия, опять же, не без удовольствия для себя любимой. « Но куда податься? В общежитии очередь, денег на съёмную квартиру нет, да и подружки из столичных предоставлят кров в лучшем случае на несколько дней. Был только один вариант, хотя он и не нравился растерянной студентке.

Воспоминания захватывали, но пора было зайти в магазин. Людка — продавщица издалека приветливо улынулась и махнула рукой.

- Как жизнь?
- Вполне. Практически регулярно, — усмехнулась Татьяна.
- Заглянула просто так, или ищешь что-нибудь особенное?
- Может быть, может быть... — неопределённо пробормотала учительница, оглядывая ряды разноцветных искусственных фаллосов на витрине.
- Получили новую партию, есть совершенно уникальные штучки. Китайцы просто сводят с ума. Могу уступить опытный экземпляр.
- Почему опытный? И ты знаешь, как я отношусь к китайскому ширпотребу.
- Ах, оставь, качество этих изделий у них всегда было на высоте, а в последнее время стало лучше, чем у европейцев и японцев. Опытный, потому что ещё не поступил в продажу, нет инструкции, ещё не напечатали в типографии, — при этом продавщица доверительно осклабилась и картинно закатила глаза: — Моя вина, задержалась с написанием аннотации. Увлеклась, знаешь ли...

Татьяна понимающе кивнула. Сопроводительная документация поступала на китайском языке, сертификаты и прочее необходимое, разумеется, переводили в бюро, а на описаниях и инструкциях жадный хозяин экономил. Нанимать переводчиков отказался. Проявил смекалку: новые образцы выдавались на дом продавщицам, которые, после испытания их на себе, сочиняли простые и доходчивые руководства по использованию. Особенно нравилось покупательницам, что от себя девушки добавляли небольшие рекомендации и личные впечатления. Инициатива пользовалась успехом, продажи держались на высоком уровне.

- Вправду стоящая вещь?
- О-о-о, не поверишь, первый день я совершила четыре подхода. На второй развлеклась дважды и засела за сочинение, но не удержалась, и стала уточнять нюансы. И уточняла ещё три дня...

Женщины весело расхохотались.

— Беру, если так советуешь. Сколько я тебе должна?

— Ну-у, вообще-то опытные экземпляры назад не сдаются, как использованное изделие, и мне неудобно просить с тебя полную стоимость... — глаза рыженькой хитро блеснули. — Знаешь, я уступлю за полцены, но с условием: попробуй прямо сейчас! Боюсь, под впечатлением, я слишком цветисто расписала достоинства. Коммерческий директор на радостях вздул цену до небес, пригрозив, что оштрафует, если не будут покупать. Теперь мучаюсь, а вдруг это только на меня так действовало. Проверить бы...

— Здесь, сейчас?! — Татьяна обежала глазами торговый зал. Покупателей было не то чтобы много, но они были.

— Там у нас пару кабинок, для примерки-подгонки аксессуаров, — указала в угол Людка, справедливо полагая, что железо надо ковать пока оно горячо. — Выручай, а я тебе хорошо уступлю в цене.

— Но...

— О, Господи, ты как школьница! Пойдём скорее, пока я свободна, — она прихватила из под прилавка яркую пластиковую коробку и потащила Татьяну за собой.

Хихикая, женщины задёрнули шторку примерочной. Татьяна, склонная к подобным авантюрам, уже возбудилась. Негромкие голоса и шаги покупателей за тонкой шторкой щекотали нервы. А при мысли, что кто-то может вломиться, не смотря на предупредительную табличку, кровь закипала в жилах.

— Не бойся, никто не войдёт, — успокаивала Людка, но то и дело оборачивалась и одним глазом выглядывала в щелку между стенкой и шторой.

В кабине было тесно, Татьяне пришлось опереться на руку продавщицы, когда стягивала трусы. Хорошо, что сегодня она в чулках.

— Надо было взять лубрикант... — спохватилась Людка и сделала движение выйти.

— Стой! — Татьяна схватила её за руку. — Ты, что меня здесь одну хочешь бросить? Да и не нужно ничего.

Продавщица недоверчиво посмотрела на неё:

— Да, ладно...

Татьяна задрала подол и раздвинула двумя пальцами большие губы, внутри всё блестело от влаги.

— Ну, ты даёшь! — озадаченно пробормотала продавщица. — Заводишься вполоборота. Она распаковала коробку и достала агрегат, Татьяна с любопытством рассматривала конструкцию — сложная, напоминает медицинский прибор. Впрочем, если говорить строго, то всю продукцию этого магазина можно отнести к медицинской технике. Размер главного фаллического тела не впечатлил, дома у Татьяны имелись более крупные экземпляры, зато его веретенообразная форма с бугристой спиральной навивкой завораживала. Имелся второй буравчик поменьше, его назначение не вызывало сомнений, а вот провода с присосками и прозрачные пластиковые трубочки — интриговали.

— Укладывайся, — Людка похлопала по низкой короткой тахте, которую подвинула на середину кабинки.

— Не помещусь, — засомневалась Татьяна.

— Спать собралась? Спинку сюда, а ножки вверх и врозь! Проверено, у меня тут такие матроны пристраивались, тебе до них год одними гамбургерами питаться.

— О-о-о... А куда головой?

— Господи, куда хочешь.

Выбор оказался символическим. Если ногами к шторке, то в случае чего... она окажется развёрстанной во всей красе. Если наоборот, то на стене зеркало во весь рост — опять, в отражении, как на витрине. Решила — к зеркалу выгоднее, можно видеть, что там с её киской делать будут.

— Люд, а вдруг кто-нибудь всё-таки сунется? — в притворном ужасе прошептала Татьяна и почувствовала, как из влагалища выплеснулась и потекла к попе горячая струйка.

Продавщица молчала, она с интересом наблюдала как ползёт по промежности клиентки жирная капля. Хитренько посмотрев на Татьяну, быстро подхватила указательным пальчиком эту субстанцию, и сунула палец в рот.

— Ой, что ты делаешь?! Людка, ты лесби? — запаниковала Татьяна.

— Нет, нет, успокойся, — отвечала та, причмокнув. — Не смогла удержаться, очень захотелось попробовать тебя. Ну, что сказать, — она пожевала губами с видом дегустатора, — ты солоней меня, но есть сахарная нотка. Пикантный вкус. И запах приятный, не рыбный, что-то восточное, пряное. У тебя от природы так, или пользуешься специальным гелем?

Татьяна покраснела и пожала плечами. Такой комплимент даже от женщины был приятен. Чтобы скрыть смущение, смыжила веки и изобразила мученическую гримаску, потому что Людка за болтовней начала потихоньку ввинчивать большой конус во влагалище.

— Тебе больно? Если что-то беспокоит, ты говори, не молчи.

— Нет, нормально... — хрипло ответила она, прислушиваясь к ощущениям внизу.

— Ну, вот, как по маслу зашёл, — прокомментировала продавщица. — Вот эти два контакта прикрепи на соски, можно прямо под блузкой, а я пока на вершине бёдер поставлю. Вот так, видишь, сами липнут, легко и удобно.

— На входе распирает, — пожаловалась Татьяна, — а внутри ничего не чувствую.

— Сейчас включу, и почувствуешь, — усмехнулась женщина. — Но ещё надо маленький ввернуть. Ну-ка, расслабляй попку! Хорошо, умница. Поехали! — она щёлкнула переключателем.

Татьяна замерла. Появилось лёгкое покалывание внутри. Оно нарастало и через несколько секунд у неё зачесалось всё, от копчика до лобка. Господи, хотелось залезть туда и расцарапать всё ногтями. В этот момент тело прошил первый чувствительный разряд.

— Ой! — всхлипнула она, но посмотрев на довольную физиономию Людмилы, поняла, что так и надо.

Действительно, слабый ток метнувшись по маршруту: соски — пах — половые губы — клитор — кишечник — копчик — соски, на мгновенье перекрыл зуд, достав до таких потаённых нервных окончаний, которые никак иначе не почешешь. И тут же зуд в кишечнике и влагалище усилился, будто желая повторения, и оно последовало. Снова разряд и секундное блаженство. На сей раз отозвались внутренние мышцы, содрогнувшись синхронно с электрическим импульсом. Соски отвердели, а клитор напрягся. Татьяна чувствовала, что влагалищу процедура понравилась, оно мгновенно разогрелось и сочилось необычайно активно, требуя: ешё, ешё, ешё! Интервалы между разрядами становились короче. Всё её тело содрогалось в сладострастной судороге, когда проходил ток. Это напоминало бесконечную череду микрооргазмов.

— Ой, уй, ай! — тихонько стонала Татьяна. — Ах, ой, ой!

— Правда хорошо? — сопереживая, прошептала Люда.

— Класс! — только и успела сказать Татьяна, и снова ойкнула: — Ой, ой, ой!

Ожили фаллические конусы, их неоощущаемые ранее наконечники раздулись, плотно заполняя влагалищный канал. Возбуждённая плоть восприняла это распирающее давление с жадностью изголодавшегося желудка, хищно обволакивая и радостно трепеща. Ребристые борозды, проворачиваясь и мелко вибрируя, причиняли стенкам влагалища чрезвычайно острые ощущения. А в сочетании с провокациями электрических разрядов Татьяна получила столь сильный букет воздействия на либидо, что немедленно взлетела к вершинам удовольствия. Практически каждое движение внутри, — а двигалось в ней непрерывно, — каждый импульс вызывал мышечные схватки. В голове Татьяны померкла действительность, она забыла где находится и стонала в голос:

— Ай, ой, чёрт, как хорошо! Ещё! Ай... О-о-оххх...

Людмила испуганно оглядывалась на занавеску и косила глазом на таймер — стрелка показывала, что ещё минуту надо ждать.

— Что там происходит?! — раздался зычный голос в торговом зале. Людмила втянула голову в плечи — это была Белла Яновна Зондель, коммерческий директор. — Где Рубинова, почему её нет на месте? — громко допрашивала продавщиц начальница.

Услышав свою фамилию, Людмила засуетилась. Остановить сеанс невозможно — клиентка в невменяемом состоянии. Она беспомощно посмотрела на тахту — из уголков губ Татьяны показались пузырьки слюны, голова беспорядочно металась из стороны в сторону, тело мелко тряслось, и временами его пронизывали резкие вздрагивания. Действие, которое оказывал аппарат на покупательницу, оказалось более выраженным и сильным. Цифры на таймере извещали, что до максимального режима, ещё около минуты времени. Людмила пробормотала: «Господи, не представляю, как она сама будет...» После этого схватила вакуумную трубку с гуттаперчевой конусной насадкой, и поднесла к подёргивающемуся клитору Татьяны. Чувственную горошину с чмоканьем всосало. Сквозь прозрачный пластик было видно, как вытянулся напряжённый сикель. Татьяна завыла — «ы-ы-ы-ы...», и стиснула бёдра, не смотря на вставленные в оба отверстия фаллоимитаторы.

Именно в это мгновенье занавеску отдернула решительная рука:

— Ну, и что здесь происходит?! — раскатисто проревела Зондель, втискиваясь в кабинку своей необъятной тушей. Впрочем, она быстро сообразила в чём дело, и ловко задёрнула за собой шторку, успев заехать локтём в живот сунувшемуся за ней гражданину в шляпе: — Куда прёшь, зараза! Не видишь, здесь женщина разобрана!

Пунцовая от стыда, Татьяна, прижимая к груди упаковку с чудо-агрегатом, выскочила из магазина ни на кого не глядя. Отдышалась только захлопнув дверцу машины. Ждать пока продавщица объяснится с начальницей не стала, схватила все причиндалы, ссыпала в коробку и ринулась к выходу под насмешливыми взглядами покупателей. «Да чёрт с ними! Наплевать».

К дому подруливала уже почти успокоившись. Почти, потому что внизу живота продолжало время от времени что-то схватывать. После этих эпизодических сокращений она чувствовала, как наружу выплескиваются тёплые соки, вызывая лёгкий зуд в воспалённых половых губах. Хорошо, что на ней тёмная кожаная юбка, иначе мокре пятно на её заднице лицезрел весь двор.

Идти пришлось тесно сведя бёдра — так и казалось, что влажные струйки вытекут из под подола. Но такой способ движения неизменно возбуждал — опухшие половые органы,

стиснутые и трущиеся в жидкок киселе выделений, восприняли это, как приглашение. В голове сами собой закружили похотливые образы. Она ощущала, как вспотела, под сиськами было всё влажно. Татьяна несла только пакет со злосчастным приобретением и сумочку, но отдувалась так, будто тащила пудовую гирю.

«О-па! Вот так сюрприз... « Навстречу ей, помахивая авоськой с буханкой хлеба и бутылкой водки, двигался давешний вуайерист. Был он в широком и мятом светлом костюме, в белых парусиновых штиблетах и с соломенной шляпой на лысой голове. Из кармана торчала смятая газетка. «Господи, кто в век интернета читает газеты?» Ещё больше поразило, что любитель подглядывать оказался столь окружным и малого роста, ранее она видела его только в окне. Типаж из шестидесятых прошлого века, не хватает косоворотки с вышивкой — получится Хрушёв. Взгляд притягивали мясистый нос и толстые чувственные губы. У Татьяны как раз дёрнулось внутри, и она была вынуждена остановиться.

Пенсионер вдруг узнал её и начал забирать правее, обходя женщину по широкой дуге, при этом смотреть он старался в сторону, но не выдерживал, и косил зрачками на неё. Это было и смешно и возбуждающе одновременно.

— Мужчина, подождите! Здравствуйте. Вы меня разве не узнаёте?

Он затормозил, пожал плечами и, вежливо приподняв шляпу, прогнулся:

— Э-э, добрый день... Извините, не припоминаю...

Она улыбнулась.

— Но это не важно, главное я вас узнала. Вы не подойдёте на пару слов?

Он покраснел, из под шляпы по вискам покатились струйки пота, глазки-путовки беспокойно заметались по сторонам.

— Чем могу, так сказать... — наконец выдавил он с натугой, и заведя за спину авоську с водкой, шагнул к ней.

— Можете, можете, — нервно хихикнула Татьяна, и наклонилась к нему, практически дыша в большое фиолетовое ухо: — Жарко мне, я вся теку — отлижешь мне прямо сейчас. Да или нет? Предложение действительно только один раз...

— Вы... как... что... имеете ввиду, — задыхался он хрипло, отшатнувшись, и пугливо вглядываясь в её лицо. Татьяна спокойно ответила на его взгляд. Она просто ждала ответа. Да — так да, нет — так нет. Он затравленно покрутил головой, не удержался, буквально ощупал её тело глазами, и вдруг сипло выдохнул: — Где?..

— Иди за мной, — она сказала так специально, зная, что, глядя на неё сзади, он дойдёт до нужной кондиции ещё до того, как они доберутся до пожарной лестницы. Когда лифты работают запасным проходом никто не пользуется. Вести домой старичка-боровичка не хотелось, вообразит ещё невесть что. Ей же просто хотелось накоротке реализовать свою фантазию. Быстро и однократно. Как в жаркий полдень выпить залпом стакан холодной газировки. После ругаешь себя — икаешь, рыгаешь, но удержаться невозможно.